

ТАИНСТВЕННЫЙ
ДЕТЕКТИВ

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
АННЫ КНЯЗЕВОЙ
в серии «ТАИНСТВЕННЫЙ ДЕТЕКТИВ»

Ключ от проклятой комнаты
Пленники старой Москвы

Дайнека. Игра в детектива

Сейф за картиной Коровина
Венецианское завещание
Роман без последней
страницы
Подвеска Кончиты
Кольцо с тремя амурами
Наследница порочного графа
Хозяин шелковой куклы
Жертвы Плещеева озера
Монета скифского царя

Опасная территория.

Полина Свирская

и Сергей Дуло

Хранительница царских тайн
Копье чужой судьбы
Перстень Александра
Пушкина
Роковое золото Колчака
Черный бриллиант Соньки
Золотой Ручки
Орден белых лилий
Мираж золотых рудников

Детективное ателье

Надежды Раух

Призраки Замоскворечья
Химеры картинной галереи
Зов темной крови

Лионелла Баландовская.

Светский детектив

Прощальный поцелуй Греты
Гарбо
Девушка из тихого омута

Анна Стерхова.

**Расследование архивных
дел**

Песня черного ангела



АННА КНЯЗЕВА

ХИМЕРЫ
КАРТИННОЙ
ГАЛЕРЕИ



МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К54

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 **vmirefiction**

Редактор серии *А. Антонова*

Художественное оформление *С. Курбатова*

Князева, Анна.

К54 Химеры картинной галереи : [роман] / Анна Князева. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Таинственный детектив Анны Княzewой).

ISBN 978-5-04-111302-5

Дела в модном ателье Надежды Раух шли отлично, и она решила на расширение — шить не только дамские наряды, но и мужские костюмы. Лучший мастер в Москве уже принят на работу, а для презентации нового направления устроен торжественный прием. Гости — известные, солидные, состоятельные люди — с удовольствием любовались изысканными интерьерами ателье, любовно созданными мамой Надежды Ираидой Самсоновной, страстной любительницей антиквариата. Ее недавнее приобретение — авторская копия картины, оригинал которой находится в Третьяковской галерее. Полотно это крайне необычное, и Надежде очень хочется раскрыть его тайну, но ей мешает другая, гораздо более мрачная загадка — один из гостей был отравлен прямо во время приема...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© **Князева А., 2020**

© **Оформление.**

ISBN 978-5-04-111302-5

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*Все персонажи и события
романа вымышлены,
любые совпадения случайны.*

ПРОЛОГ

1863 год

Москва, Замоскворечье

Дочь замоскворецкого промышленника, миллионера Семена Порфирьевича Зотова готовилась к выходу в свет, который должен был состояться на балу во дворце княгини Закревской.

Сезон балов в Москве начинался задолго до Рождества и заканчивался в последний день Масленицы. Открывался он пышным дворянским балом в Благородном собрании. Далее черед балов гремела по всей Москве: по дворцам и частным особнякам на Тверской, Пречистенке и в Замоскворечье. Сюда слетались аристократы, небогатое провинциальное дворянство и блестящая гвардейская молодежь из Санкт-Петербурга.

В светском обществе московские балы прозвали «ярмарками невест», потому что они служили местом отыскания выгодной партии. Любого кавалера,



пригласившего девицу на танец, родители барышни рассматривали как потенциального жениха: тут же выясняли, кто таков, размер состояния, знатность семьи и наличие скандального шлейфа.

Второе приглашение обязывало «танцора»¹ к представлению родителям. Третий, тем более четвертый танец с одной и той же дамой свидетельствовал о серьезных намерениях и предполагал два исхода: сватовство с последующей женитьбой или поединок с членом семейства девушки.

На первых в сезоне балах набиралось до трех тысяч человек. Но случалось и больше, все зависело от величины бальной залы дома хозяев. Зала княгини Закревской вмещала до пяти тысяч человек и была построена в виде павильона в саду, позади дворца, с которым соединялась короткой, но торжественной галереей. Возникшие при этом неудобства (буфет остался в старой части дворца) ничуть не волновали княгиню. Ей льстило, что она владела едва ли не самой значительной бальной залой в Москве.

Шестнадцатилетняя Агриппина Зотова, или Грушенька, как ее называли домашние, к тому времени окончила гимназический курс и до этого танцевала только на детских балах. Вместе с превосходным при-

¹ На балу, по сути, синоним слова «жених».



данным она получила от родителей хорошее воспитание, манеры, скромную грацию и миловидное личико.

Все это предопределяло ее судьбу — безбедное житье за мужем, имеющим хорошую репутацию и верный капитал, равный по величине капиталу ее родителя.

Калерия Федоровна, жена Зотова — вялая, безынициативная особа, имела дурной вкус и одевалась не лучше иной купчихи или жены мещанина. Зная это, Семен Порфирьевич сам приказал найти для дочери лучшую портниху в Москве или, если таковая не сыщется, привезти столичную из Санкт-Петербурга. Однако таковая нашлась и в Москве: одеться в мастерской у мадам Менагуа было не менее престижно, чем выписать наряд из Парижа. Лучшая портниха из мастерской Менагуа вместе с четырьмя подмастерьями на время переехала с Кузнецкого Моста в замоскворецкий особняк Зотова, где за три недели пошила для Грушеньки три превосходных бальных туалета в светлых тонах.

Для своего первого бала Грушенька выбрала простое воздушное платье из белого муслина с газовым подбором на юбке, розетками, кружевом и нежной вышивкой по линии декольте. Букетик у корсажа дополнили цветы в волосах и черная бархотка на девичьей шейке.



Атласные туфельки, корсаж и перчатки доставили из Парижа. Мантилью для выезда выбрал сам Семен Порфирьевич в знаменитом на всю Москву Суцевском товарном депо мадам Белкиной. Вручив дочери меховую мантилью в день бала, он также надел на ее ручку браслет с пятью большими сапфирами и чистейшей воды воды бриллиантом.

— Красавица... — прошептала Калерия Федоровна, глядя на Грушеньку.

— Собиралась бы ты сама, матушка. Нешто не поспеешь. Скоро уж ехать. — Семен Порфирьевич достал папироску и вышел из комнаты.

Спускаясь по широкой лестнице, он закурил.

Здрав голову, с нижнего этажа к нему обратился швейцар:

— Вас тут спрашивают, барин.

— Кто? — справился Зотов.

Дождавшись, когда Семен Порфирьевич спустится, швейцар ответил:

— Художник Сомов...

— Я же приказал его не пускать! — воскликнул Зотов и грозно поглядел на швейцара.

— Без спросу вошел, ей-богу! Я только открыл дверь, тут же — шашть!

— Где он?!

— В сенях. Дале я не впустил.



Семен Порфирьевич направился к двери с узорчатыми стеклами и, распахнув ее, увидел широкоплечего молодого человека с русой выющейся бородой.

— Я просил вас никогда не являться в мой дом! — Он оглядел Сомова неодобрительным взглядом: — Для честного человека это достаточный повод.

— Кажется, я не делал вам зла, — сказал Сомов. — Что касается чести — вы заплатили мне деньги, но портрет еще не закончен.

— Аванс оставьте себе! Портрет мне больше не нужен!

— Считаю своим долгом его закончить.

— Не трудитесь, — холодно заметил Семен Порфирьевич. — Другой долг — отцовский — предписывает мне избавить дочь от вашего общества. Остается только догадываться, что приводит людей к столь безнравственным и непотребным поступкам!

— Я не делал вам зла, — уверенно повторил Сомов.

— Вы совершили куда худший поступок! Воспользовались отцовским доверием и влюбились в себя Грушеньку.

— Я пришел попросить руки вашей дочери.

— Вон из моего дома! — Зотов схватил художника за грудки и толкнул его к выходу.



С лестницы слышался плачущий голос Грушеньки:

— Папенька! Оставьте его! Оставьте!

Зотов обернулся:

— Немедленно возвращайся наверх!

— Это гадко!

— Немедленно!! — Семен Порфирьевич повысил голос и призвал на помощь швейцара: — Степан!

Оставив Сомова швейцару, рассерженный родитель схватил Грушеньку за руку и потащил вверх по лестнице.

Подчинившись отцу, она не отрывала от Сомова влажного, заплаканного взгляда, покуда швейцар не вытолкнул его на улицу и не захлопнул за ним дверь.

ГЛАВА 1

Наше время

Москва, Замоскворечье

Ателье Надежды Раух

В пятницу рабочий день в ателье закончился раньше обычного, примерки состоялись, и портных отпустили домой. В течение последующего часа фойе и гостиная приобрели сугубо праздничный вид. Официанты сервировали фуршет. Флорист принес большую вазу с лиловыми гиацинтами, синеголовником и белым морозником.

Увидев его, Надежда Раух замахала руками:

— Поставьте ее на пол!

— Но вы хотели на жирдоньерку¹, — напомнил флорист.

— Я передумала. С жирдоньерки ее могут уронить во время приема.

— А если задвинуть в угол?

— Попробуйте...

¹ Подставка — этажерка для цветов.



Флорист перетащил жирдоньерку в угол и установил на нее вазу.

— Спасибо, так хорошо, — согласилась Надежда. — Уверены, что букет — сугубо мужской?

— Абсолютно.

В гостиную вошла мать Надежды. Ираида Самсоновна решала в ателье все жизненно важные вопросы. Оглядев помещение и мужские манекены в строгих костюмах, она удовлетворенно кивнула:

— Настоящий английский клуб.

— Я в ужасе. — Надежда опустилась на диван.

— Что случилось?

— Кажется, мы совершаем ошибку.

— Поздно сомневаться. — Ираида Самсоновна присела рядом с дочерью. — Через полтора часа здесь соберутся гости.

— Я никогда не шила мужских костюмов.

— На тебя работает лучший мужской закройщик Москвы. И, что немаловажно, Тищенко пришел со своей клиентурой.

— Вопрос конфиденциальности — вот что меня беспокоит. — Надежда неуверенно взглянула на мать.

— У нас прекрасная мужская гостиная с примерочной комнатой.

— Она еще не готова.



— Дизайнер обещал закончить интерьер в ближайшее время. А до тех пор обойдемся дамской гостиной — здесь две примерочные комнаты. Одну займем под мужскую. Я умею составлять график примерок и позабочусь, чтобы клиенты не встречались друг с другом.

— Надеюсь, что прием пройдет хорошо.

— У нас только одна задача: привязать клиентов Тищенко к новому месту. Впрочем, куда они денутся. Где еще найдут такого закройщика?

— В Москве повсюду шьют биспоуки¹.

— Шьют, — согласилась Ираида Самсоновна. — Но Тищенко в Москве только один. Его клиенты — первые лица страны.

— Были... — уточнила Надежда.

Ираида Самсоновна закончила препирательства:

— И это — к счастью для нас!

— Жаль, что рядом нет Льва.

— Его никогда нет. По крайней мере, с тех пор, как он вернулся на эту работу. Я не понимаю таких отношений.

— Мама! — запротестовала Надежда.

Но Ираида Самсоновна только повысила голос:

¹ Bespoke — индивидуальный пошив мужского костюма по всем канонам и правилам классического портновского искусства.



— Не понимаю и никогда не пойму! Вы даже не живете вместе.

— Чтобы любить друг друга, необязательно жить в одной квартире.

— Только не говори, что тебе это нравится.

— Я не говорю.

— Послушай... — Ираида Самсоновна замялась, решая, стоит ли говорить, но все же продолжила: — Кажется, наши закройщики не ладят друг с другом.

— Что им делить? — удивилась Надежда. — Соколов — дамский закройщик, Тищенко кроит для мужчин.

— Валентин Михайлович ревнует нас к Тищенко.

— Как глупо...

— Ему кажется, что с приходом Тищенко он оказался на вторых ролях.

— Нужно поговорить с Валентином Михайловичем и объяснить ему, что это не так.

— Я поговорю, — Ираида Самсоновна взглянула на часы, после чего спросила официанта: — Все готово? Скоро придут гости.

— Осталось откупорить бутылки с вином, — ответил он.

— С этим не торопитесь. — Ираида Самсоновна встала с дивана, сказав дочери: — Тебе пора надеть вечернее платье.



— Послушай, мама, — Надежда тоже поднялась и подошла к простенку между окнами, где висела большая картина. — Мне кажется, ее нужно снять.

— Зачем? — удивилась Ираида Самсоновна.

— Она слишком женская.

— Кому помешает картина с девушкой в бальном платье? Могу тебя заверить: большинство мужчин придут сюда с дамами. — Ираида Самсоновна замолчала, прислушавшись. — Кажется, уже кто-то явился...

Она вышла в фойе и вскоре вернулась с немолодым поджарым мужчиной, на груди которого висел фотоаппарат. В руках он держал треногу.

— Наденька, хочу тебя познакомить с моим старинным знакомым. Власов Григорий... — Ираида Самсоновна запнулась и, рассмеявшись, закончила: — Никогда не знала твоего отчества, Гришенька.

Он подсказал:

— Александрович.

— Большинство моих фотографий, которые висят на стенах ателье, сделал Григорий Александрович.

— Мы с вашей мамой работали в Доме моделей на Кузнецком Мосту, — сказал Власов. — В свое время она была выдающейся манекенщицей. Ее хотели все модные журналы, буквально рвали на части.



— Знаю, — Надежда протянула руку. — В некотором роде я — лицо пострадавшее.

Григорий Александрович приложился к ее ручке губами:

— Понимаю. Мои дети видели меня так же редко, как вы — свою мать.

— Специфика работы, — Ираида Самсоновна постаралась сгладить неловкость. — Ночь-полночь — а у нас примерки или фотосессия для журнала. Однако, несмотря ни на что, времена были чудесными. Теперь Григорий Александрович работает фоторепортером в журнале «Светская жизнь».

— Спасибо за приглашение, — вставил он. — Мне крайне нужен репортаж о мужской моде.

— В таком случае наши интересы совпали, — сказала Надежда. — Прошу прощения, сейчас я должна уйти. Увидимся позже.

К гостям Надежда вышла в черном атласном платье с глубоким декольте на спине, прикрытом тонким гипюром. По гипюру пролегалла застежка на тридцати пуговках с воздушными петлями. Чтобы их застегнуть, Надежда специально пригласила в свой кабинет администратора Викторию, и на это у них ушло пятнадцать минут. Из украшений она выбрала бриллиантовые серьги, подаренные когда-то



бывшим любовником Марком Фридмановичем. Он, кстати, тоже был на приеме.

История возвращения Марка в жизнь и дела Надежды Раух была связана с ее неудачной попыткой усыновления ребенка. Фридманович, как адвокат, сделал все, что смог, и, несмотря на неудачу, сумел сохранить расположение бывшей любовницы. Не далее как вчера Марк позвонил и напросился на прием. Надежда пригласила его и теперь хотела знать для чего.

По неширокой витой лестнице она спустилась в гостиную, которую к тому времени уже заполнили нарядные гости: дамы в коктейльных платьях и мужчины — по большей части в смокингах. Их голоса сливались в монотонный гул, похожий на жужжание пчел.

Пятидесятилетний здоровяк закройщик Анастас Зиновович Тищенко стоял в центре гостиной в кругу солидных мужчин. На нем был идеально сшитый смокинг, жилет на трех пуговицах и белая бабочка, что значительно превосходило заявленный дресс-код вечеринки. Заметив Надежду, Тищенко представил ее собеседникам:

— Надежда Алексеевна Раух, дизайнер и хозяйка ателье. Весьма счастлив трудиться под ее руководством.

Надежда протянула руку первому из мужчин, невысокому плотному человеку с внимательным взглядом.



— Антон Геннадьевич Шимаханский, — сказал он и едва пожал ее пальцы. — Спасибо, что приютили Анастаса Зеноновича. В моем возрасте смена портного равносильна инфаркту.

— Антон Геннадьевич известный коллекционер и знаток искусств, — отрекомендовал его Тищенко.

— Приятно познакомиться, — проговорила Надежда и перевела взгляд на сорокалетнего мужчину в очках. Тот наклонил голову:

— Вадим Воронович. Всего лишь помощник этого господина, — он указал глазами на Шимаханского.

— Не прибедряйся, Вадим, — заметил тот. — У тебя хватает денег, чтобы заказать костюм у Анастаса Зеноновича.

— Руслан Акчурин, — представился третий — черноволосый мужчина с большими залысинами. — Юридическое агентство «Акчурин и сын». К вашим услугам...

Надежда покачала головой.

— У меня есть адвокат, — заметив среди гостей Фридмановича, она поманила его рукой. — Марк, иди сюда, к нам!

Он словно ждал, когда его позовут, немедленно подошел и поочередно пожал руки мужчинам:

— Добрый вечер... Очень приятно... Марк Фридманович.